

переходную полосу в его историческом движении, в пределах которой и возникает своеобразная *своя* норма – норма переходного периода. Она-то и определяет «лицо» состояния языка в подобные моменты его истории. И не учитывать это, думается, невозможно, ибо понимание такой закономерности, возможно, позволит прогнозировать судьбы языка в его перспективе.

Литература

- Актуальные проблемы современной русистики / Под ред. Н.М. Шанского. М., 1991.
- Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: Уч. пос. М.: Логос, 2003.
- Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX веков. Изд. третье. М.: Высшая школа, 1982.
- Гайнуллина Н.И. Эпистолярное наследие Петра Великого в истории русского литературного языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Алматы, 1996. 50 с.
- Гайнуллина Н.И. Языковая ситуация как категория диахронии // Русский язык в Кыргызстане: Матер. Междунар. науч. конф., 28-29 октября 2002 г. Бишкек, 2003. С. 30-34.
- Гайнуллина Н.И. О смешанном характере русского языка и норме переходного периода // Вестник КазНУ. Серия филологическая. № 2 (74). Алматы, 2004. С. 4-7.
- Грановская Л.М. Русский литературный язык в конце XIX и XX вв.: Очерки. М.: Элпис, 2005.
- Дуличенко А.Д. Русский язык конца XX столетия. München, 1994.
- Караулов Ю.Н. О некоторых особенностях современного состояния русского языка и науки о нем // Русская речь. № 1. 1995. С.5-23.
- Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. СПб.: Златоуст, 1999.
- Кутина Л.Л. Динамика семантической системы языка и возможные аспекты показа ее в лексикографии / Проблемы исторической лексикографии. Л.: Наука, 1977.
- Русский язык в его функционировании. М., 1993.
- Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Studia philologica, 2000.
- Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX-XXI веков / Отв. ред. Л.П. Крысин. М.: «Языки славянских культур», 2008.
- Сулименко Н.Е. Современный русский язык. Слово в курсе лексикологии: Уч. пос. М.: Наука: Флинта, 2006.
- Чернышев В.И. Избранные труды. Т. 1. М., 1970.

Т.Е. Баженова (Россия, Самара)

К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДИАЛЕКТНЫХ ЯВЛЕНИЙ В ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ПЕСЕН САМАРСКОГО КРАЯ)

Диалектная речь и язык фольклора существуют в тесной взаимосвязи. Исследование особенностей материальной и духовной культуры русского народа в тесной связи с устным народным творчеством – одно из направлений современной русской диалектологии и таких сравнительно молодых научных отраслей, как лингвофольклористика, этнолингвистика и лингвокультурология.

Актуальность исследования определяется пристальным вниманием отечественных диалектологов к изучению словарного состава русских народных говоров в различных аспектах – историко-лексикологическом, лингвогеографическом, этнолингвистическом и других, что связано в настоящее время с составлением Лексического атласа русских народных говоров (ЛАРНГ).

Источником материала для наших наблюдений послужили рукописные тексты русских песен, подготовленные для издания II тома антологии «Духовное наследие народов Поволжья: живые истоки». В народных песнях закреплено немало интересных и самобытных слов, отражающих характерные реалии народной жизни. Изучение языка в соотношении с трудовой деятельностью и духовной культурой народа позволяет полнее выявить семантику диалектных слов, охарактеризовать причины появления тех или иных лексем, показать воздействие народной культуры на формирование и функционирование языковых единиц.

Лексика фольклора представляет собой объединение неоднородных разрядов слов: общеупотребительной лексики, фольклоризмов, диалектизмов, архаизмов, просторечия, окказионализмов, – которые обла-

дают определенными структурно-семантическими особенностями и по-разному соотносятся друг с другом [Хроленко 2010: 29-30]. Внелитературная лексика нуждается в комментариях, поскольку с текстами песен работают не только исполнители, но и фольклористы, этнографы, языковеды, работники культуры.

При изучении оригинальных фольклорных текстов диалектолог сталкивается с рядом проблем.

Во-первых, это проблема фиксации диалектных особенностей в фольклорных произведениях. При составлении научных сборников фольклористы, как правило, стремятся к максимальному отражению исполнительских особенностей, среди которых немало таких, которые обусловлены устноречевым характером текстов. Опытные собиратели точно фиксируют основные особенности самарских говоров, иногда редкие в силу их архаичности, имеющие наибольшую ценность для исследователей языка. В процессе редактирования фольклорных записей выяснилось, что некоторым собирателям удалось зафиксировать остаточные проявления таких диалектных особенностей, которые являются практически исчезнувшими в современных самарских говорах, – цоканье, шепелявое произношение шипящих и другие. Например: «*И повесили на древо, Он зубчами (зубцами) тело рвал...*» из духовного стиха «Ты, прекрасная Варвара...»; «*Тут и жаркие (ср.: заркий ‘такой, который очень увлекает, вызывает азарт’- СРНГ, 10) подарки для ребят...*» из песни «На телеге едет дядюшка Лука...».

Буквальная точность в передаче диалектного произношения считается целесообразной, если она соответствует задаче сохранения и воспроизведения речевого колорита песни. Неточное отражение диалекта случается непреднамеренно, когда собиратели мотивируют всякие отступления от нормированной речи (проявления дефекта речи, двуязычия, разговорные элементы и т.п.) диалектной природой народнопоэтических текстов речи и стремятся максимально отразить их в своих фольклорных записях. На наш взгляд, буквальное отражение произношения в таких случаях, как то: *тибе, на могилы, атложила, шолкывью, девчёнка, покоища, што* и т.п. – вполне можно заменить орфографической записью, поскольку ни смысловых, ни стилистических оттенков в текст песни оно не добавляет. И напротив, невозможно представить фольклорный текст во всем богатстве языкового колорита без точного отражения диалектных особенностей в таком, например, случае:

*Шалковая плеть
На стенке висить.
На стенке висить,
На мне грозить.
На мне грозить,
Играть не вялить.
Играть не вялить,
Всё заказывать.*

(«Тута нам попить, тута погулять...»)

Вообще неправильно полагать, что собиратель, а вслед за ним исполнитель или руководитель фольклорного коллектива, обязан следовать той системе диалектного произношения, в условиях которой была зафиксирована песня. Носителю литературного языка, не знакомому со стихией народной речи, освоить диалектную речь, которая часто характеризуется наличием особенностей системного характера, без специальной помощи, безусловно, сложно, здесь неизбежно будут неточности. Ошибочное или неточное воспроизведение диалектных особенностей при исполнении песни наносит ещё больший вред, чем пренебрежение ими. Думается, для сохранения колорита достаточно воспроизведения единичных, наиболее ярких черт.

Неточная орфографическая запись, вызывающая неоднозначное толкование текста, тоже создает дополнительные проблемы толкования текста. Ср. возможные варианты записи *тон высок* и *тын высок* в следующем контексте:

*Надо мной, молодой, молодёшенькой,
Тон высок.
Тон высок, тон высок,
Двор широк.*

(«Э, у ворот, у ворот»)

В данном случае второй вариант (*тын высок*) был бы, на наш взгляд, более уместным, так как *тын*, согласно материалам словаря В.И.Даля, «это всякий сплошной (непрямельный) забор, и даже плетень» [Даль, 04].

Во-вторых, ряд трудностей редактирования и интерпретации фольклорных текстов обусловлен неоднородностью словарного состава устной поэзии, объединяющей наряду с общерусской литературной основой языковые единицы народных говоров. В свою очередь, диалектные особенности характеризуются неоднородностью состава, так как язык фольклора – это «сложное образование системного характера, определенный континуум, где диалектически сплавлены его образующие» [Оссовецкий 1975: 68].

Диалектные слова, включенные в фольклорный текст, часто попадают в число слов с затемненной этимологией, потому что в отдельных случаях они неизвестны самим исполнителям, и собирающий, оставляя их без комментариев, записывает их произвольно, естественно стремясь при этом максимально прояснить их значение. Например, в тексте песни «Течет речка-невеличка» так зафиксировано диалектное слово *пора́да* ‘беседа, совещание, совет’: *Кричит парень девчоночку К себе на параду*. В данном случае слово нуждается в комментариях во избежание ложной этимологии. Ср. в СРНГ: ‘Просить (кликать, гукать и т.п.) на порадку. Звать на свидание, просить совета’. *Просил парень девку к себе на порадку: «Порай, девка, порай, красна, когда мне жениться, ти теперя мне жениться, ти восени ждати?»* Смол. [СРНГ, 30].

Необходимость комментариев возрастает в тех случаях, когда диалектное слово, неизвестное исполнителям песен, искажается в результате этимологического переосмысления (ложной этимологии). Например: *Сам бобровый нос повесил На табуретке он сидел* («Трубка моя пенковая»). По-видимому, в данном случае наблюдается искаженное окказиональное образование от диалектного глагола *бодрить* (*бодриться*) ‘форсить, держаться непринужденно’, ‘важничать, зазнаваться, чваниться’ [СРНГ, 03].

С точки зрения информативности фольклорного текста в комментариях нуждаются и такие диалектные слова, которые совпадают по своей форме с общерусским словом, сохраняя при этом в тексте песни своё исконное значение, ныне забытое не только носителями общенародного языка, но и самими исполнителями народных песен. Например, в русских песнях Самарского края сохранилось упоминание об одном из атрибутов народно-календарной обрядности – *бороде*. Борода – это сноп из последних сжатых в поле колосьев, который срезался в поле во время празднования дожинок – обряда завершения жатвы. Например:

*Девки – белые лебёдушки мои,
Эй да вы пойдите во чисто поле гулять.
Вы пойдете во чисто поле гулять,
Эй да вы возьмите редку борону с собой.
Вы возьмите редку борону с собой,
Эй да расчешите седу бороду.
Расчешите седу бороду,
Эй да разборонуйте черну пашенку.*

Характерно, что содержание этой песни связывалось современными исполнителями с весенней пахотой, а элементы дожиночной обрядности никак не комментировались.

В-третьих, в ряде случаев не лишним будет прокомментировать фольклорный текст с точки зрения закреплённости диалектизмов за определенным типом говора. В текстах, записанных на территории Самарской области, могут содержаться различные по происхождению диалектные элементы.

По наблюдениям диалектологов [Зиброва 1998: 46], в лексике самарских говоров наиболее заметны два момента: развитие значительной вариативности в обозначении той или иной реалии и частое сосуществование вариантов в пределах говора одного населенного пункта. В фольклорных текстах эта вариативность наблюдается со всей очевидностью (*играть песни – петь песни; хата – изба; баять – балакать; весна – кострома; танок водить – хоровод водить; причалинка – причелинка – причалочка, вечерешничек – вечеренька; кóты – коты́* и т.д.).

Примером может служить вариативность в наименовании жилой постройки традиционного типа (*изба – хата*), распространённая в самарских говорах и нашедшая отражение в фольклорных текстах. Слово *хата* в современных самарских говорах существует, как правило, в пассивном запасе, несмотря на то, что кое-где сохраняются некоторые особенности в обозначении частей дома, интерьера жилого помещения, которые указывают на существование в прошлом различий между строениями среднерусского ти-

па (избы) и южнорусского типа (хаты). В песнях оба этих слова одинаково употребительны, в том числе в текстах, записанных в одном селе от одних исполнителей. Ср. отрывки из текстов песен, записанных в с. Михайло-Овсянка Пестравского р-на, в которых зафиксированы оба этих слова:

*Милый мой, твои родители
Богатую берутъ.
Не светлей ув избе будя,
Не два солнышка взойдутъ.
(«Милёночек, твоя мать...»)*

*Не твою ли, бедняк, хату
Ветер пошатнул?
(«Уж ты, доля моя, доля»)*

В-четвертых, следует обратить внимание на особую категорию слов (преимущественно архаизмов), обозначающих конкретные реалии, но имеющих особое значение в народнопоэтическом контексте. Например, слова *горница*, *овин*, *сени* перестают обозначать конкретные реалии и характеризуются «размытым» значением. Так, слово *сени* часто встречается в фольклорных текстах, но оно служит обозначением любого жилого помещения в доме: *Ой, Марьюшка по новым сеням Ходила. Она родныва своего батюшку Будила* («Не зимой, да летом»). Важным для понимания семантики фольклорного слова оказывается введенное Д.Н.Шмелевым понятие диффузности, заключающееся в том, что отдельные значения слов, обычно четко разграничиваемые в сознании носителей диалекта, в тексте песни оказываются выступающими нераздельно [Шмелев 1973: 77].

В отличие от текста, создаваемого для решения собственно коммуникативных задач, в данном случае исследователь имеет дело с художественным текстом, нацеленным на выполнение эстетической функции. При анализе семантики народно-песенного слова выясняется, что отдельные диалектные лексемы совмещают прямое и символическое значение. Среди наименований нежилых помещений часто в песенном фольклоре употребляются слова *овин* и *гумно*, которые обозначают постройки, давно ушедшие в прошлое. Очевидно, они символизируют богатство и достаток, т.к. в свое время предназначались для хранения снопов, обмолота и сушки зерна. Ср.:

*Приходила коляда накануне Рождества,
Кто даст пирога, – тому полон хлев скота,
Овин с овсом, жеребца с хвостом.*

Своеобразными концептами, вобравшими в себя древние представления о расставании с девичеством и переходе в другую семью, являются лексемы *верья*, *грушица*, *косничок*, *причелинка*, которые упоминаются во многих свадебных песнях. Эта категория слов, на наш взгляд, приобретает особый статус фольклоризмов и требует специального комментария.

И наконец, ещё одна проблема интерпретации фольклорных текстов связана с определением и толкованием так называемых «темных мест», которые образуются языковыми единицами, нигде больше не встречающимися, кроме народнопоэтических текстов. Например, лексема *ильмовать* и производные от неё:

*Округ его торговушки
Торгуютъ.
Округ его ильмовушки
Ильмуютъ.
– Не торгуйтя, торговушки-
Торгаши.
Не ильмуйтя, ильмовушки-
Ильмаши.
(«Не шуми-ка, дубровушка зеленая»)*

Кроме того, выбор того или иного слова в устнопоэтическом тексте определяется необходимостью соблюдения заданного ритма, рифмовки, что пополняет фольклорный лексикон единицами с определенными ритмомелодическими характеристиками, но нередко с непонятной семантикой. Ср. начало одной из песен: *Александровска берёза Сьяела, сьяела*.

Таким образом, произведения устного народного творчества могут быть интересным, богатым источником изучения диалектной лексики. Они дают возможность не только записать, растолковать, прокомментировать местные слова, что очень важно для диалектологии, краеведения, но и показать особый, своеобразный характер введения диалектизмов в фольклорный текст.

Литература

Зиброва Т.Ф. Говоры Самарского края и особенности бытования лексических единиц в условиях диалектной пестроты // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования – 1995. СПб.: Изд-во ИЛИ РАН, 1998. С.43-47.

Оссоветацкий И.А. О языке русского традиционного фольклора // Вопросы языкознания. 1975. № 5. С.66-77.

Хроленко А.Т. Введение в лингвофольклористику: Учебное пособие. М.: Флинта. Наука, 2010.

Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М.: Наука, 1973.

Даль: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М., 1994.

СРНГ: Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. М.; Л., ИЛИ РАН, 1965–2010. Вып. 1–43.

М.Н. Барабина (Россия, Самара)

К ВОПРОСУ ОБ УСТОЙЧИВОСТИ ТВЕРДОГО ПРОИЗНОШЕНИЯ ДОЛГОГО Ш В ПОВОЛЖСКИХ ГОВОРАХ (ПО МАТЕРИАЛАМ АТЛАСА РУССКИХ ГОВОРОВ СРЕДНЕГО И НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)

Одной из важных сторон высказывания в живой речи является его звуковое оформление – соблюдение или несоблюдение говорящим норм орфоэпии. Среди диалектных особенностей имеются такие фонетические отличия от кодифицированной речи, которые сильно режут слух слушающим. В их числе – твердые варианты шипящих фонем, имеющих в норме на современном этапе только мягкое произношение: аффрикаты Ч и долгого глухого Ш. Возникает вопрос, почему это явление продолжает устойчиво сохраняться во многих русских народных говорах, несмотря на тенденцию к их нивелировке в условиях массивированного, последовательного и разностороннего влияния литературного языка.

Предметом внимания в данной публикации будет долгое Ш, поскольку оно особенно интересно в отношении устойчивости диалектного произношения: одни исследователи констатируют очень высокую её степень в говорах (В.В. Палагина, Д.И. Алексеев, Л.А. Зелепукина, Г.Ф. Мясников, К.А. Войлова, Л.В. Голузо, Л.Ф. Путьгина и др.), другие – незначительную (В.И. Лыткин, Т.А. Хмелевская, В.Д. Бондалетов, В.А. Магин, Г.В. Зотов, В.А. Белькова, Л.М. Орлов и др.).

Вопрос об устойчивости твердого долгого глухого шипящего специально изучался нами в 1970-е годы на материале более чем трехсот говоров Куйбышевской (ныне Самарской) области, обследованных экспедициями двух куйбышевских вузов - пединститута и университета [Барабина 1980; 1982]. В ходе исследования была выявлена зависимость степени устойчивости данного диалектного явления от типа говора, в котором оно фиксируется. Анализ характера твердого произношения долгого Ш в речи различных контингентов говорящих (а именно: разных слоев диалектоносителей в десятке сел Куйбышевской области, носителей просторечия - около 70 жителей Самары, студентов вузов – более 100 человек) показал, что чрезвычайной устойчивостью эта особенность отличается у людей, связанных с севернорусскими говорами (далее с.р.). Если она имеется в с.р. диалекте (а это наблюдается более чем в 90% наших окружающих говоров), то отмечается у представителей всех социально-возрастных слоев, включая интеллигенцию, детей школьного возраста, а нередко и местных учителей-словесников. Эта черта может сохраняться у бывших севернорусов даже после их переезда в город и длительного проживания там в условиях литературного окружения, а также даже при сознательной работе информантов над своим произношением. Более того, данная особенность иногда передаётся севернорусами «по наследству» детям, родившимся уже не в селе, а в городе.